

Из всех искусств
для нас важнейшим
является Ёктырдым

**ВНИ-
МА-
НИЕ!**

Та газета
может являться
причиной развития интеллекта
и утончённого вкуса.

№ 02,

Июль 2011

Бессознательный проект серии современной художественной литературы **БОЛЕЕ ДРУГОЕ** (издатель Алексей Вараксин)

Лёша! с тебя портвейн! 🍷

В номере

ЭКСКЛЮЗИВ!

Впервые на русском языке
новый рассказ популярней-
шего польского прозаика!

**Януш Леон
Вишневский**

Рассказ «Притоки крови»
стр. 2–3

Константин Стешик

Рассказ «Тело»
стр. 7

Ульяна Ангелевская

Рассказ «Етс.»
стр. 8–9

Дэн Факин

из книги «Часть и участь»
Стихи
стр. 9

А также:

Татьяна Исаева

«Вот бывают такие
удивительные, б****, дни...»
Стихи
стр. 4–5

Ирина Шаповалова

«Радость утра выходного дня»
Рассказ
стр. 6

Светлана Лаврентьева

Какие-то тексты
стр. 10–11

Наталья Смирнова

стр. 11

Элла Блюм

Рассказы
стр. 12–13

Януш Леон Вишневский

Притоки крови

Янушу Вишневскому — спасибо и всяческие ТЕ реверансы за то, что у ТОЙ газеты появилась возможность первой опубликовать его новый рассказ на русском языке! Гонорар, предложенный Янушу за публикацию в газете, прозаик отдал на издание книги поэзии и прозы, написанной детками с раковыми заболеваниями, за что ему низжайший поклон от издательства, самих детей и их родителей... И спасибо за терпение при ведении переговоров на нескольких языках!

Та Карелина

— На самом деле я поставила ей только одно условие, наверное, самое худшее из возможных, — рассказывает она тихим, спокойным голосом, в котором не звучит ни нотки сожаления, ни тем более отрешенности. — Я сказала, что хотела бы стать частью этого союза. Вся, без остатка. Я принадлежу Константину, значит, хочу принадлежать и ей. Во время той встречи я совершенно запуталась в своих чувствах, но две вещи я знала наверняка. Я не испытываю — абсолютно не понимая этого — ревности и никогда не соглашусь на банальную и жалкую роль обманутой жены. Я не буду устраивать сцен, так же, как не буду «когтями рвать своё», потому что ни один человек никогда не будет частью этого «своего». Кто думает по-другому, должно быть, не в своем уме или же просто ослеплен ненавистью. Я знала, что она запуталась не меньше меня, и своими словами я поставила ее в тупик.

Саре тридцать восемь лет, она привлекательная стройная брюнетка, мать двоих сыновей. Патрику десять лет, а Свену пять. Они знакомы с Константином уже четырнадцать лет, из них двенадцать лет они женаты. Константин — писатель и сценарист. Он пишет также радиопостановки, которые иногда читает сам. Как-то вечером, примерно год назад, он вернулся со студии и сказал, что Юлия — актриса, с которой он работает и которая читает с ним за соседним микрофоном последний текст, — влюбилась в него.

— Вы можете себе это представить?! Вот так. Так вот просто вернулся домой, сел за стол на кухне и, когда я, стоя к нему спиной, резала мальчикам сыр для бутербродов, так вот мне и сказал. А потом добавил, что Юлия обычно плачет, когда они об этом говорят, потому что она знает, что он ведь «принадлежит только мне и любит меня, и что никогда меня не оставит». А потом постепенно стал меняться. Становился таким слишком добрым, слишком нежным, слишком добивающимся моего внимания и моей близости. Как бы это сказать... не совсем нормальное поведение для мужчины, с которым состоишь в браке двенадцать лет. Этому же надо радоваться, правда? Константин — моя первая и единственная любовь. В моей жизни имел значение только один мужчина. Только он.

Я должна была радоваться. Но не могла. Я объясняла его доброту существованием этой другой женщины. Как-то раз я его спросила об этом прямо. Он признался, что ему необходимо присутствие Юлии, что без неё он не может быть счастлив. Так же, как без меня и мальчишек. Константин всегда до боли поражал меня своей искренностью и откровенностью. Он не умел врать, притворяться, юлить, надевать маски.

Тогда он ни о чем не попросил меня. Ни простить его, ни дать времени подумать. Ему повстречалась другая любовь, но он не хочет, чтобы заканчивалась первая. Он хочет проживать обе. Иначе он умирает. Как отмирает конечность, не получившая достаточного притока крови. И только тогда и только в двух браках он может быть счастлив.

Мы долго и на удивление спокойно об этом говорили. С Константином трудно разговаривать, не испытывая некоторого восхищения. Он — вероятно, потому что писатель — умеет всегда очень красиво изложить суть вопроса.

Из того разговора с ним мне запомнилась одна, самая важная мысль. Помню, в какой-то момент он сказал: «Было бы инфантильным предполагать, что все мои желания и мечты на протяжении всей жизни может осуществить только один человек — это изобретение девятнадцатого века, с которым мы должны помириться». Честно говоря, когда я сейчас всё это вам рассказываю и сама слышу свои слова, понимаю, что Константин может показаться вам законченным эгоистом, если не бездушным негодяем. А это не так. Поверьте мне. Я слишком давно его знаю...

И вот тогда я решила встретиться с Юлией. Когда она вошла в кафе, в котором мы договорились встретиться, она выглядела как сторбленное, испуганное чувство вины, одетое в большое, не по размеру пальто. На год старше меня, хрупкая, нежная, с девичьим лицом и сеточкой морщин вокруг глаз. Разведенная женщина, мать, одна воспитывающая двух дочерей. Не какая-нибудь там сопливая девчонка, на которую заменит меня муж в период кризиса среднего возраста. Я помню, что она села передо мной и прошептала: «Я люблю его. Не так как вы, без права на эту любовь, но люблю». А потом мы разговаривали, обходя это самое важное. Только намёки, только невыразительные ответы и еще менее выразительные вопросы. Если бы кто-то сидел рядом с нами, он никогда бы не понял, о чем мы говорим. И знаете, когда моя неопределенность стала невыносимой, я спросила ее об этой моей «принадлежности» к ним обоим. Она не ответила. Сжала мою руку и молчала.

Через неделю Константин пригласил к нам домой друзей. Вышла его новая книга. Пришли люди из издательства, двое журналистов и Юлия. Поздно вечером, когда все ушли, осталась только Юлия. Я очень устала и была пьяна. Оставила их, поглощенных разговором, за столом и пошла в спальню. Ночью я искала ладонь Константина, но его не было рядом. Я вернулась в гостиную. Они лежали обнаженные на ковре. Я легла рядом с Константином и в темноте стала нежно прикасаться к лицу Юлии. Проснувшись, она начала целовать и посасывать мои пальцы. Через минуту, на коленях, она перебралась ко мне. В первые мгновения, когда ее тело коснулось моего, я съёжилась, охваченная стыдом. Мгновение спустя я почувствовала на шее ее дыхание. Потом ее пальцы утонули в моих волосах. Потом прикосновение ее рук к моим ягодицам. Потом сплетение наших губ, вкус ее слюны и — я мокрая. А потом между нами произошло что-то необыкновенное...

А сейчас мы втроем. На самом деле нас семеро. Мы и четверо наших детей. Иногда мы думаем, что всей нашей тройке не хватает, наверное, гена ревности. Но это неправда. Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь отобрал у меня их обоих. Убила бы...

Перевод:
Ирина Щербач

Татьяна Исаева (СТИХИ)

***

первая мировая —
последняя мировая.
ну-ка, вставай с кровати,
особь как таковая.
особь женского рода.
холод жёсткого пола.
сама себе «доброе утро»,
просто ради прикола.
утр таких миллионы,
баб таких даже больше.
целые микрорайоны
чистят зубы, не ропщут,
сами с собой пьют кофе,
топают на работу.
нежность анфас и в профиль.
нежность до спазм, до рвоты...
и никому не надо.
молча дверь открывает тихо,
и месту рада
особь как таковая.
смотрит Бог, не мигая,
сквозь тёмные окна рая.
первая мировая.
последняя мировая.

***

гарсон, чернил и плакать,
а жесьть у нас с собой.
по сотке, когти в мякоть,
и кончится стрельбой,

ненужными телами
впвалку у стены.
молчи, мы знаем сами,
что нет ничьей вины.

нам наших чувств громоздких
никто не отменил.
нам 30. мы подростки.
неси уже чернил.

***

***

никого в комнате.
кроме меня, никого.
ничего страшного.
ничего.
декабрь, второй час ночи.
завтра ни свет ни заря.
да ничего особенного,
в общем-то говоря.
буквально еще затяжка,
крайний глоток.
и я упаду в подушку
лицом, как в мокрый песок.
и сверху накроет холодом
до утра нового дня
всё, что есть в этой комнате,
кроме меня.

***

а когда раздавать будут, и придёт очередь девочек,
я подойду, номер миллионсто пятьсот тринадцать,
нутро мое перетряхнут, как в кармане мелочь,
и, пожалуйста, пусть они будут смеяться.
потому что всё в самом деле, всё чисто-сливочно,
от нервных кончиков пальцев до неровных кончиков строк.
я последнего призыва, старой выучки
романтическая барышня в ботинках «бульдог».

***

красиво: художественная резьба по мозгу стилем «татьянка»...
не поднимать рук, отвести глаза, перейти на другую сторону.
вся эта ваша осень — затяжная грустная пьянка.
на чужой старой даче, где комоды, печка, небо, а в нем ветки и вороны.

***

вот бывают такие удивительные, б***ь, дни...
и сколько угодно можно говорить себе: не гони,
рассосётся к утру, надо было вчера нежнее.
сиди тихонечко, никому не звони, держись корней.
набухший мозг, только чем-нибудь острым ткни,
светом, звуком, иголкой, чем хочешь, в такие дни
прорывается плотным, тёмным, тягучим, больным,
и становится осень, и нет на меня весны.
соли лития, злые слезы, соли литё.
всё красивое, доброе, умное, всё не моё.
всё случайно, по благу, ошибке в Его накладной...
в такие дни невозможно ни с кем, невозможно одной.
кризис чего-то среднего, кто его знает — чего.
ни одного кролика среди пострадавших. ни одного.

***

два бокала красного, и я расскажу тебе, пока не выветрился слабый хмель.
сосредоточенная до ё*аной жути, однажды в среду я нарядила ель.
искусственная зелень и соль с перцем. стоит у стены, смотрит в два угла.
один в один я, своё дырявое сердце я нацепила бы на верхушку, если б могла.
пара дней, и час икс приблизился — символ символа, несколько странных минут.
я стала сама себе менеджер антикризисный, и получилось не уснуть сначала, а потом уснуть
на пару дней. чистить дорожки, целовать детей, врать в трубку и не краснеть.
и всё это не то чтобы понарошку, а в очень явственном, но всё-таки сне.
проснулась в пустом похмельном городе. дома по улицам жмутся, перепуганные жильцами.
а жильцы прячут лица в мочальные бороды, чем дальше, тем больше себя боятся сами.
и покатила стекляннм шариком. на колдобинах встряхивает снежинки внутри.
как сложится — домохозяйкой, поэтом, нариком — прикидываюсь, пока кто-то не скажет «замри».
забыла дышать, молиться и спорить. качусь и всё — не раз выручало.
ты ждёшь, вероятно, конца этой истории?
нет, душа моя, это только её начало.

Ирина Шаповалова (рассказ)

Радость утра выходного дня

После ночи бурного отмечания чьего-то дня рождения Коля возвращался куда-то домой как-то утром. Шел он уже довольно долго и особо не расстраивался по поводу того, что возвращение куда-то домой как-то затягивается. Он дышал утренним воздухом, радовался малому количеству людей, косо смотревших на его помятую одежду и лицо, передвигал ногами, как мог, и иногда даже улыбался. Похмелье оказалось на редкость удачным.

Во время очередного проблеска мысли, достигнувшего его на мосту вроде бы через Мойку, он увидел девушку, которая стояла на этом мосту и смотрела вроде бы на Мойку. Блеснувшая мысль потухла — Коля снова безмятежно улыбался, смотря на девушку. И радовался, что есть люди, которые тоже могут радоваться утру редкого выходного дня, безмятежно стоять и смотреть на воду. Когда Коля поравнялся с ней, у него в голове опять что-то заблестело. Заблестело оно от того, что в его мозгу образ любящегося пейзажем человека не совпадал с образом человека, стоящего по ту сторону перил и смотрящего вниз. В голове поблестело ещё немного, и Коля остановился в оторопи от собственной догадки. «Это ж она... туда... Это... того... и всё!» — так думал Коля и догадка его была верна. Девушка, по всей вероятности, уже решила расстаться с утром редкого выходного дня, Мойкой, мостом и даже Колей.

Коле стало обидно. Что нет уже на мосту такого человека, который радуется всему тому, чему радуется он. И мало того, что эта девушка не радуется, — её, видимо, уже давно ничего не радует, а может, и не радовало никогда. Приподнявшись на цыпочки, Коля стал подкрадываться к девушке, размахивая при этом руками для сохранения баланса между землей и небом. Приблизившись на расстояние одного метра, он замер в позе пойманного хорька и понял, что надо бы ещё подумать. Он ведь не знал, что теперь делать. «А что я тут, собственно? — размышлял Коля. — Она ж сама решила, я-то чё... Может, это у меня хорошее настроение, мне и пожить можно, а она пусть... раз ей так хочется». Стоя на одной ноге и балансируя руками, чтобы не упасть, Коля пытался думать ещё при помощи своей тяжелой головы: «Но ведь

Бу!

это... как его... это не гуманно! Дать другому умереть — это ж нельзя, я где-то слышал! Что же делать... Надо тихонько, не спугнуть, подойти...» Посовещавшись с собой ещё некоторое время, которое удалось продержаться на одной ноге, Коля решил на героический поступок. Спасти девушку. Только аккуратно, не спугнуть. Он начал приближаться на носочках, пытаясь не шуметь и не сопеть от напряжения. В его планы входило подойти и... дальше туда ничего не входило, Коля решил додумать по дороге. Во время додумывания он как раз перелез через перила, пытаясь остаться незамеченным. Судя по всему, это ему удалось — девушка неподвижно стояла и смотрела вниз. Перелезая через перила, Коля, конечно, порвал штаны, но это его не огорчило, ведь впереди маячила спасательная миссия, ради этого можно и одни штаны порвать. Оказавшись по эту сторону моста, Коля вздохнул и начал тихонько продвигаться к девушке. «Она уже не с нами, — думал Коля, глядя на её неподвижную фигуру, не реагирующую на сигналы с той стороны жизни. — Как же всё-таки плохо, когда только тебе одному радостно... Ничего, я сейчас помогу, ведь это хорошо, и ей тоже будет хорошо...» Так думал Коля, а ноги то и дело приближали его к объекту спасения. От напряжения Коля вынул язык и старался не смотреть вниз в страхе упасть раньше девушки. Он уже был совсем близко, когда сомнение последний раз посетило его... и быстро оставило. Коля стоял рядом с девушкой, одной рукой прикрывая дырку на штанах, а другой решив коснуться ее плеча. Он хотел сказать что-то ободряюще-примирительно-успокаивающее, как в этот момент девушка резко вскинула голову и рывкнула: «Бу!» Не в силах справиться с потрясением, нервная система сказала Колиной координации «прости», Коля зашатался, схватился второй рукой за дырку на штанах и... полетел вниз. Сопровождаемый звонким девичьим смехом, падал он, конечно, в полном недоумении, из глаза в глаз сквозило удивление, но на губах играла улыбка: теперь Коля был уверен, что на мосту всё-таки есть человек, который радуется утру редкого выходного дня вместе с ним.

Апрель 2008

Константин Стешик (рассказ)

я приучаю своё тело не говорить без надобности. каждый день я занят этим крайне важным для меня делом. я слежу за своим телом. не только в том смысле, что я за ним ухаживаю (это обязательно, это уже привычка), — я слежу, как частный детектив, то есть сижу в кафе под открытым небом, напротив, прикрываясь только что купленной газетой, коточую, конечно, совсем не читаю, — я смотрю поверх строчек на своё тело, которое знает, что я рядом, и видит меня, — и я мешаю, понятное дело. я не стараюсь быть невидимым, не растворяюсь в окружающих меня людях — нет. я просто всегда рядом, на расстоянии пяти метров, в неудобном шерстяном костюме, в мятой шляпе с зелёной лентой, в рыжих ботинках с круглыми носами. к моему указательному пальцу привязана тончайшая, но очень прочная стальная нить, которая сейчас лежит на земле (нельзя, чтобы другие люди наткнулись на нитку или вовсе её порвали, хотя это, кажется, невозможно). другой конец этой нити обмотан вокруг правого запястья моего тела. если тело начинает забываться (то есть — забывать о том, что я совсем близко и смотрю только на него), я почти незаметно сгибаю палец, и по нитке бежит слабый, но вполне ощутимый сигнал, — тело вздрагивает, и лицо его сразу темнеет. тело понимает, что я, не прибегая к помощи слов, говорю ему — не болтай.

я хочу, чтобы тело научилось жить, опираясь только на несколько действий: поглощение пищи и воды, посещение туалета и здоровый сон на свежем воздухе. я уверен, что всё остальное не имеет никакого значения и для выживания совершенно не обязательно. тело меня боится и потому старается изо всех сил делать то, что я требую, а не то, что ему хочется. но иногда ему удаётся меня обмануть: это происходит во время сна (а я засыпаю вместе со своим телом, тут уже ничего не поделаешь, на сон мой контроль не распространяется — мне ведь тоже нужно отдыхать, тем более — я работаю куда больше, чем моё тело) — я сплю обычно очень крепко, от усталости (да и свежий воздух, всё-таки, — лучшее из всех возможных снотворных), а тело этим пользуется: оно, незаметно проснувшись, тихонечко разматывает нить на своём запястье и, пригнувшись, скрывается в зарослях лопуха. где оно бывает и что там делает, я не знаю, но несколько раз я просыпался в полном одиночестве, мокрый от росы и покрытый с ног до головы маленькими красными муравьями. я шёл домой, стараясь по пути не впасть в бешенство, дома варил себе кофе и, сидя на диване и наблюдая за тем, как остывает в чашке горький чёрный напиток, ждал. тело приходило чаще всего после трёх часов дня, измученное и вряд ли счастливое. стараясь не смотреть мне в глаза, оно садилось рядом на диван и привязывало к своей руке нить. а потом мы шли на кухню — «завтракать».

я наказал его только однажды, когда оно вернулось слишком поздно — почти в полночь, — двух-трёх минут не хватило до полуночи. я был в ярости, понятное дело (я уже хотел идти его искать, но где?), — и, конечно, не смог сдержаться и, разбежавшись, толкнул его изо всех сил в солнечное спле-

тение. тело не заметило меня (оно было не в том состоянии, чтобы замечать хоть что-нибудь, кроме самого себя) и потому не успело сгруппироваться — и ударилось с размаху затылком о стену. крови было удивительно много, я не стал её убирать, и к утру все полы в квартире были украшены липкими красными следами. тело даже не собиралось приходить в себя. оно валялось у стены всю ночь, а потом и утро (а я ходил по квартире и злился одновременно на себя и на тело). мне стало немного страшно — а вдруг я убил его? — и я пошёл на кухню, набрал полный чайник ледяной воды и, вернувшись, стал поливать тело — сначала голову (в особенности лицо), потом грудь, живот, половые органы и колени. тело зашевелилось, когда вода в чайнике кончилась, застонало и перевернулось набок. две недели после экзекуции оно болело, лёжа на диване, накрытое парой старых одеял, а я сидел неподалёку в кресле и смотрел в окно.

когда тело выздоровело, я решил, что отныне наша нить станет для него ошейником, и где-то месяц я действительно использовал её в качестве ошейника: крепко обвязывал едва различимой стальной паутинкой непослушное горло и дёргал за неё куда чаще, чем требовалось. но потом я простил своё тело и перестал мучить: нитка вернулась на его правое запястье.

наверное, я, всё-таки, был слишком жесток. нет, я всё делал правильно, но, видимо, где-то пережал. потому что сегодня тело сбежало. и мне кажется, что оно уже не вернётся. я даже почти уверен в этом. но — чёрт возьми! — я же старался для нас обоих!

оно ударило меня! — наверняка изо всех своих сил — правым кулаком в переносицу — так, что я ослеп примерно на десять минут. после оно обмотало нить вокруг моего горла и рвануло изо всех сил (я почти потерял сознание). нить не порвалась (она, скорей всего, вообще не рвётся), и тело просто отвязалось (как отвязывалось иногда ночами, пока я крепко спал, намучившись за день). я валялся, ослеплённый, на тротуаре, а оно шагало прочь (уверен, что с некоторой ленцией, неторопливо, упиваясь своей свободой и празднуя победу надо мной).

завтра я начну его искать. дело почти безнадежное, но по-другому просто нельзя: я обязан его найти, и, думаю, у меня получится. город, конечно, громадный, спрятаться есть где. я не думаю, что оно догадается уехать куда-нибудь отсюда, за сотни километров, — оно ведь глупое, как собака. только вот мне без этой безмозглой псины никак нельзя: она без меня выживет, а я без неё — нет.

я оставил в голове только одну мысль (всё получится, и буквально завтра-послезавтра я найду своё тело в одном из дворов, — надеюсь, живым и здоровым) и с ней выхожу из дома — уже поздно, глаза слипаются, самое время удалиться в сон на несколько часов. я иду к зарослям лопуха. высоко в небе хрипло смеются надо мной белые птицы.

Ульяна Ангелевская (рассказ)

etc.

мою страсть к тебе надо лечить, как заболевание. она жжёт меня изнутри, выворачивает внутренности, она не даёт мне покоя ни ночью ни днём. природа её носит вулканический характер. иногда она затихает, как бы уйдя в себя, успокоившись на время, и тогда я могу созерцать её, как зеленоватый песок на морском дне в минуты штиля, когда солнце разбрызгивает по поверхности воды своё дрожащее золото. блаженные минуты... но чаще она бродит во мне, как перезревшее вино, грозя взорваться. тогда я беру в руки лист бумаги и плаваю её в горячие слова. я научился это делать, инстинкт самосохранения подсказывает мне их. и когда ты прикасаешься беглым взглядом к этим строчкам, я содрогаюсь от боли и счастья, будто ты касаешься меня обнажённо-го, когда тело умирает от желания этих прикосновений.

я буду петь тебе дальше. я хочу, чтобы ты ощутила всю силу и глубину моей любви, безумной, запретной, которую не признают ни люди, ни боги, по крайней мере, тот ортодоксальный бог, которого так тщательно вскармливают в своих умах заложники собственных представлений о том, что хорошо, а что грех. и не какой-нибудь, а смертный. то есть, за который не будет пощады, за который придется расплачиваться так страшно и бесконечно, что даже представить себе нельзя. но если даже это действительно так, я с радостью пойду на Божий суд и предъявлю ему то, что он сотворил со мной с твоей помощью. и пусть мне потом предстоит самое жёсткое возмездие за мою нежность, за все эти чудесные, полные волшебства ночи, за то утро, когда ты прискакала ко мне в палатку, помнишь, холодная и мокрая, как лягушонок, разбив мои жаркие утренние сны, прижалась ко мне своим скользким от влаги телом и целовала меня, хохоча глазами, как я проваливался в их зеленовато-серую глубину и нырял в них, и плавал до изнеможения, как ты на озере, куда убежала от меня совсем рано...

иногда я спрашиваю себя: как такое могло случиться со мной, каким непостижимым образом душа воскресает после очередного крушения, казалось, полного и окончательного... та любовь выжала меня до основания, и я знаю, что ты, мой двойник, можешь подписаться под этими строчками, ибо мы зеркалим друг друга, наши жизни причудливо сплелись в том самом месте, до которого мы шли одинаково наощупь, и все наши взлеты и падения были до странности похожи... ведь так? я не знаю того человека, который разбил твою жизнь, но я благодарен ему за то, что вся эта история вытолкнула тебя отсюда, из того мира (ты понималась, о чём я), в котором ты явно задыхался, который был мал тебе, как подростковые джинсы, как раковина не по размеру, в ко-

торую ты, странствующий рак-отшельник, честно пытался вписаться.

иногда я вижу в тебе не обворожительного андрогина в потрепанных коллинсах, с коротким мелированным ежиком на голове, а строгую сероглазую польку с поджатыми губами, одетую в платье девятнадцатого столетия, с длинными светло-русскими косами, убранными вокруг головы, и вижу, как в прозрачном зеркале, всю твою историю. сегодого любимого мужа, какого-то польского генерала, и отчаянную страсть к 27-летнему поручику, красавцу и жуиру. да-да, можешь фыркать и смеяться сколько угодно. а ещё... прости мне эту мысль... но если бы у твоего дивного благословенного сосуда было чуть более широкое горлышко, может быть, вся жизнь твоя сложилась бы иначе?

так хорошо и немного болезненно думать о тебе в этом домишке на краю мёртвой деревни, когда в окно, не переставая, стучит дождь, и собака спит, свернувшись, возле моего живота, уткнув свой тёплый кожаный нос в мою ладонь. у нас тут резко похолодало после той баснословной жары, которая поразила весь мир, так, что мне пришлось вытащить старенький обогреватель из маминой комнаты и загромоздить им половину своей, зато теперь совсем уютно и блаженно, только спать немного хочется, время пять утра... знаешь, о чём я хочу сказать ещё? мне страшно. страшно потерять себя в тебе, раствориться без остатка в твоём сознании. стать ненужным придатком, архаизмом, о котором ты просто забудешь, а я не захочу тебя беспокоить. если ты сейчас читаешь это, то я вижу, как ты слегка сдвигаешь брови, и между ними появляется морщинка, которую я так люблю целовать. так вот, этот страх. он хорошо знаком всем влюблённым. может, именно поэтому я не хочу приближаться к тебе слишком близко, становиться частью твоей обыденной жизни, оставляя за собой право исчезать и появляться, выскакивая табакерочным чёртом, или плавно, загодя, как ты меня стала просить в последнее время, вписываясь в твои планы. моя сумасшедшая работа к тому располагает, поскольку она тоже — часть меня. я уже не могу жить без этих гастролой, которые взрывают мою жизнь новыми впечатлениями, лицами, именами людей, улиц, морей, гор, раскладываются дорожным веером воспоминаний, сенок, ситуаций, комичных или нелепых, которыми изобилует каждое из моих приключений. скажу тебе больше. я знаю, что этот страх обманчив, что он просто сторож у ворот счастья, трудного, мучительного, не каждому доступного, которое называется — семья. персональный рай на троих, включая твою крошечную шумную копию, которую я буду любить

ещё безнадежней. (к слову, а как же четвертый, папочка? ведь он наверняка захочет принять участие в воспитании. и я не буду против.)

закрываю глаза. а что было потом, Господи? они таки поженились и любили друг друга до гроба? или же он растворился в своем поиске, улетучился, как нетерпеливый эфир, как слишком возвышенное и непостоянное вещество? или ей (ему) надоело ловить его на крыше и привязывать за веревку к карнизу, и в один не очень прекрасный день странник, вернувшись, обнаружил, что его место занято кем-то менее непоседливым? впрочем, зачем забегать вперед. какая, в сущности, разница, чем заканчивается тот или иной рассказ. так нежно и томительно длить это терпкое повествование, смаковать этот коктейль из страха и отчаяния, верности и надежды, смешанный неким сумасшедшим барменом, не лишённым, к тому же, чувства юмора.

последнее усилие быть услышанным. тсс... изучаю выпуклые венки на собачьих ушах. она сопит и всхрапывает, прижимает веки, не желая просыпаться. наверное, ей снится какой-нибудь вкусный сон. а я снова проваливаюсь в мягкую вату воспоминаний. июньский двор на окраине Питера. разноцветные коврики, только что выхлопанные, лежат аккуратной стопкой на ярко-зелёной траве. мы играем в тарелку, такая пластиковая штучковина, забыла, как называется. пущенная чуть наискосок, она с пением делает волнообразные па в воздухе и плашмя ложится на траву, или катится желтым колесом в ближайшие кусты. собака игнорирует наши забавы, увлекшись какой-то страшной кудлатой дворняжкой. порой у меня получается кинуть ровно, и тогда ты кричишь, что я прирожденная спортсменка. я смеюсь. мне приятно. такая незамысловатая летняя картинка. главные персонажи бессмысленно и счастливо носятся по зеленому полю жизни, гоняясь за вьющейся и поющей жёлтой дугой, т.е. за счастьем. потом они засовывают его в пакет и уходят, обнявшись, куда-то по асфальтовой дорожке. один тягает у другого из кармана семечки. коврики остаются лежать на траве. когда-нибудь за ними вернуться.

Дэн Факин

Из книги «Часть и участь»
издательство БОЛЕЕ ДРУГОЕ
(Минск, 2011)

***

Конь струится, гривой машет —
Разорви меня тоска!
Сколько радостных рубашек
Растворилось у виска?
Я песком себе под жабры
И ату его, ату!
Где моя лихая сабля
Рано-рано поутру?
Из глубоких недр выплыл,
Расписался и вперед,
Снегом голову посыпал —
Не e*er!

***

Посмотри, какие звёзды!
Словно капельки гуаши
По холсту сырого неба
Расплескал слепой художник.
А луна, смотри, какая,
Будто отпечаток пальца,
Растеклась и грустно смотрит
С этой живописи странной.
И ещё осенний ветер —
Видишь перекрестки линий?
Если б не воображение,
Так никто б и не заметил.

С-терва

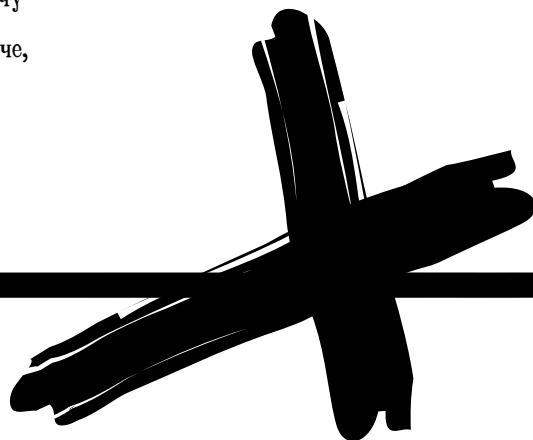
Ты пыталась заткнуть мне рот,
Даже когда мне хотелось молчать.
Что ж, каждый из нас имел право
Всегда оставаться собой.
Только вот, знаешь,
Я ненавижу тебя только за то,
Что ты никогда не красила губы
Красной помадой...

***

В платных туалетах
Много всяких прелестей,
Здесь порою женщины
Исчезают без вести...
На зелёном кафеле
Солнышко искрится,
Из открытой форточки
Прилетают птицы.
Удивляться нечему —
Вот такие шалости:
В платных туалетах
Много всяких радостей...

***

Вздрогнул месяц и растаял,
Как вчерашний снег,
И остался между нами
Только стрелок бег.
Спи спокойно, я не плачу —
Всё уже прошло.
Раз уж нам нельзя иначе,
Спи, а я пошёл...

Светлана Лаврентьева (Кот Басё)

(какие-то тексты)

***

В розовой справке — его диагноз, насмешки детей, сожаленья взрослых, а он листает ночами атлас и очень хочет поехать в Осло, он так мечтает увидеть фьорды, где море спрятано, как в колоде, и пусть на ногах он стоит не твердо, зато он твердо решил бороться. И где-то в очереди к хирургу /невропатологу, терапевту/ он карандаш замыкает в руку и начинает писать куплеты, он сам подбирает свои аккорды, к струне приручая строптивый пальчик, и пусть на ногах он стоит не твердо — зато он верит в свою удачу. И дни проходят в знакомой боли, в борьбе, что просто вошла в привычку, он получает пятерки в школе и улыбается — как обычно, он сам выбирает себе дорогу, знакомый трамвай, институт культуры, и все свыкаются понемногу с его нескладной смешной фигурой и забывают его походку, его неправильные движенья, когда на гитаре он бьет чечетку невероятного напряжения, когда в его песнях — легко и просто — суда возвращаются на ночь в порты и под дождем засыпает Осло — столица волшебных норвежских фьордов. Он видит камни в соленой пене, в ладони капля — хрустальной рыбкой, гитара, спящая на коленях, незабываемая улыбка. В розовой справке — его фантомы, давно исправленные изъяны, а он бежит по зелёным склонам — навстречу северному сиянию. И кто-то всё так же над ним смеется, его стесняется и жалеет, не видя, как в море садится солнце и гордые скалы над ним алеют, не слыша, как чайки взмывают с криком и новичка принимают в стаю... Сказка о маленьком — и великом. Такая волшебная... И простая.

***

А по городу ходит грипп, собирая дань. А по городу ходим мы, презирая грипп. У меня к тебе обычная ерунда — просто вирус хронической нежности там, внутри. На витринах рисуют снежинки, которых нет и не будет, пожалуй, где-то до февраля. У меня для тебя знакомый уже сюжет, кем-то так гениально расписанный по ролям. Это вечер субботы выпал таким числом, за которое в школе — биться, идти к доске.

У меня к тебе — обычное ремесло.

Полстраницы.
Выдох.
Точка.
Пробел.
Ескаре.

***

Одиночество есть человек в квадрате.
Бродский

Это что-то уходит из воздуха — компонент, отвечающий за беспечность и безмятежность, замечаешь однажды, что старый потертый плед — это лучшее, что придумано из одежды, что с чужими ты холоден и нарочито вежлив, а своим до тебя и дела-то, в общем, нет. Переходишь с глянца на классику, с пить на есть, для нечастого пить покупаешь хороший виски, начинаешь себя ощущать — обреченно — здесь, вспоминаешь историю, физику и английский, принимаешь всё к сердцу, только уже не близко, забываешь предлоги «совесть, любовь и честь». Это что-то уходит из памяти — как песок, по крупнице с собой уносящий тебя в пустыню, — ты становишься пуст, спокоен и невесом, иногда провожаешь тех, что уже остыли, каждый день тебе заранее опостылел и к обеду перечеркнут наискосок. Иногда тебе мешает твоя мигрень, мошкаркой летящие мысли — смешно, нелепо, — у реки в старом парке нежно цвела сирень, на прибрежном песке оставался случайный слепок... Ты сидишь на диване, и в полумраке склепа тишина взрывается громче, чем вой сирен.

***

Мы опять не имеем ни шансов, ни прав — только выкрутить пробки и стать потемнее. Почему тебя нет ни online, ни in love, если я без тебя засыпать не умею? Позвони, расскажи мне забавную чушь — про невежливый ветер и злые трамваи, я тебя продышу, проживу, промолчу, я тебя удержу до рассвета словами — где-то в снах, от которых всего лишь черта остается под утро на смятой подушке... Иногда ты умеешь меня не читать. Иногда я пытаюсь об этом не слушать. Иногда нас разводят по разным углам, как детей, что уже напроказили слишком... А сегодня — сидеть без назойливых ламп, просто ждать, когда ты наконец позвонишь мне, в темноте вспоминать, как звучат голоса, как от счастья и нежности пальцы немеют...

Я б сама позвонила, чтоб это сказать, но ты помнишь — ни шансов, ни прав не имею.

***

И когда ты снова начнешь изучать счета, обнаружишь в списках тысячу мелочей, о которых даже стыдно спросить: зачем?.. А вот нужного не окажется ни черта. И придется опять — по соседям, родным, друзьям, занимая где слово, где капельку их тепла — своего-то, как обычно, не сберегла. Всё и так понятно, нечего объяснять. А когда никого не окажется под рукой — у одних отпуска, тот занят и увлечен, — ты поймешь: они действительно ни при чем, им и так пришлось водиться с тобой такой. Посидишь тихонько дома — денёчка три, постыдишь себя за «уж» или «невтерпёж», а потом начнется ломка — как будто нож одиночества проворачивают внутри. В сердце будет дымиться кратер, во рту — металл, каждый шаг в твоей пустыне — невыносим, ты поднимешь себя пинком, из последних сил, и отправишься в самый темный глухой квартал. Ты найдешь там улыбающихся дельцов, ожидающих всех страждущих на углу, ты получишь дозу нежности сквозь иглу и в беспамятстве опустишься на крыльцо. И ты будешь любить весь мир — ни за что, сполна, опускаясь в разноцветную глубину, погружаться в чьи-то омуты и тонуть, и смотреть, как вместо неба растет волна. Тебе будет так отчаянно хорошо, пусть недолго, странно, призрачно — но тебе... А потом волшебный мир остановит бег и замрёт на месте, тих и опустошён. Ты вернешься домой в рассеянном полусне, без гроша в кармане, без памяти и души, дом подбросит тебе блокнот и карандаши, разогреет остывший ужин, погасит свет. И пока ты спишь, твой сон происходит там, где не страшно быть доверчивым и простым...

Ты проснешься —
и не выдержишь пустоты.

И наступит время
платить по своим счетам.

Наталья Смирнова

***

Интересные вы.
Говорите загадками,
Живёте прошлыми разговорами,
Ободряющими словами,
Пожеланиями «доброй ночи» светящимися,
Несбывшимися,
Напечатанными на скорую руку
Даже почти искренне.
Переглядываетесь иногда,
Да и то случайно.
Когда встречается — здороваетесь,
Приветливо улыбаетесь,
Точнее — полуулыбаетесь,
Стараясь этим показать холодное безразличие.

Элла Блюм (рассказы)

---

1. дешёвый парфюм

о, недорогой крем для туловища! этот пряный запах искусственного жасмина, перемешанного с ванильной эссенцией;

эта удушающе-амбровая вуаль, заполняющая рот, ноздри, набивающая мешки легким жирным, могучим запахом, который не только не приглушает, но утраивает запах самого тела, делая его громче и беспощаднее, переводя в ту плоскость, где свойствами объекта становятся напористые слова на М: масса, мясо.

дешёвые парфюмы — это не просто запахи. это сжатый в ком мир общежитских комнат и коридоров; долгие бетонные пролёты, сырая штукатурка, синяя краска, царапки гвоздём; это мыльная пена в тазике из яркого пластика, это тумбочка прикроватная из ДСП, обклеенной плёнкой «под дерево», а на тумбочке — пилка для ногтей лежит и лак фирмы fleug, и коробочка с тенями губы rose, при изготовлении которых использовали столько свинца, что веки, разукрашенные такими красками, опускаются сами собой, и женщина засыпает сладким беспробудным сном; а рядом лежит расчёска с металлическими зубьями.

дешёвые парфюмы — это ода, моя нелепая, бессмысленная ода детству; рыночным палаткам, заставленным множеством разноцветных коробочек, а мне парень подарил «дэнс-дэнс» — а мне «кобру» — и эта кобра, боже! этот зелёный флакон с нарисованной змеей, источающий дешёвую сладкость; такую, что хочется кричать; этот лак «прелесть», приправленный вульгарной химией цветов, эти дезодоранты для дискотек; эта слипшаяся под мышками синтетика, эта мини-юбка и водолазка «лапша», это песня соso jumpo и девочка-прикол, сверкают блестками веки, вязаный костюм из жёлтой шерсти, неудобные туфли — мама увидела меня из окна, ковылявшую из школы, пришла в ужас, положила мне на голову томину большой советской энциклопедии, заставила надеть свои ярко-алые шпильки лемонти; и я хожу, и мне 13; хожу, а из глаз катятся слезы — так дрессируют сталь, закаляют сталь. а потом мне нет равных, и походка — предмет издевательств: «не идёт, а пишет», — пока

остальные, вразвалочку, мнутя у стен на школьных дискотеках. и она — звезда — порочная женщина наташка наринчук, ростом от горшка два вершка; курим, сидя на балконе, прячемся. люблю б*ядей — мне ужасающе хорошо рядом с ними; обесцвеченные три волосинки скручены в хвостик; балкон выходит на футбольное поле, залитое солнцем; она убирается в доме и включает ace of base; танцует «как этот вчерашний придурок в галошах», передразнивает его, смеётся; рубашка в мелкую клетку, ярко-голубые глаза, наринчушка-потаскушка, благоухающая дешёвым парфюмом;

долгий, размытый, мутный жасмин.

много лет меня тошнит от него. лишь недавно он, случайно встреченный на улице, накатился на меня с роковым ностальгической нежностью, в которой смикшировались пубертатно-трепетный запах собственного тела, дым ментоловых сигарет «More» и о*уительная, пьянящая свобода взросления.

2. укоризненная габи

лето прошло. наступило Главное время года. одно сплошное Главное время, в котором перемешаются прошлогодняя листва и серпантинные ленты, ростки первых трав и ручки оттепелей, жёлтые туманы и о*увшие лица дребезжащих, безумных фонарей. электричество бежит к их головам от подземных корней, по их внутренним фонарным стеблям, но напор слабый. и, вместо того чтобы гореть, фонари только слабо мерцают.

долго шла пешком. мне звонила баранова и кричала, что наконец-то ей привезли библию, она её выкупила и теперь нужно послать её в тюрьму, габриэлле, и что с меня только почтовые расходы, потому что библия стоит 200 рублей, и что ещё надо купить и вложить конвертов с марками...

— б*я. может, мы ещё теплые вещи ей купим? — равнодушно интересуюсь.

баранова сначала тормозит, сопит в трубку, а потом взрывается вульгарным и безудержным хохотом. впрочем, вскоре снова серьёзнее и начинает объяснять, как габи важно самой прийти к Богу, который любит всех без исключения, и что если...

баранова тусовалась с габи довольно долго. таких, как они, женщин прекрасно описал Ломброзо в сочинении «женщина преступница и проститутка», в главе «врождённые преступницы». natural born killers. подельницы. они долбили столько, сколько были знакомы; обожали и ненавидели друг друга.

прошлым летом (вероятнее всего, от скуки) габи решила убить свою женщину наташу, кабацкую певичку, и передознула её говнецом. когда наташу увезли в реанимацию, габриэлла начала обзванивать всех знакомых и рыдать, что её любимая умирает.

любимую буквально с того света вытаскивали хирург и анестезиолог. двое врачей. вытащили на 5-й день комы. ещё сутки — и началось бы отмирание клеток мозга. как только наташа пришла в себя, она позвонила габриэлле. и та явилась в больницу вместе с барановой и еще двумя уродами. знаете, зачем? чтобы напасть на врачей (анестезиолога и хирурга) и отобрать у них мобильники.

нашли грабителей быстро. в декабре состоялся суд.

рассказывают, габи пришла на него вмазанной, в совершенно отъехавшем состоянии. чтобы голова не запрокинулась назад, держала себя за козырек кепки. когда судья спросила её: «что, мол, скажете в своё оправдание?» — габриэлла ухмыльнулась, сплюнула и выдавила язвительное: «ну, извините!» за безобразное поведение ей вкатили больше всех, два года условки.

а баранова на суде так перетрухнула, что решила бросить наркоту. в маршрутке увидела объявление и пошла в секту. там ее причастили на сцене, при большом скоплении народа, и б-ва обрела Бога в сердце своём и раз и навсегда завязала

с метадоном. говорит, что даже ломок не было. просто поразительно.

баранова стала хорошей. она захотела, чтобы габи тоже стала хорошей, но та только смеялась над ней. баранова даже бросила курить, начала писать картины на религиозные темы и организовывать коллективные молебны.

в мае габи забрали в сизо — отмечаться в милицию не ходила. ну, и ещё совершила две кражи.

я узнала об этом одна из первых. на Бульваре встретила безнадежно влюбленного в габи рыбоглазого рыцаря рупрехта. по обыкновению, он был пьян. сидел на лавочке и тупо пялился в телефон. на заставке его мобильника навстречу друг другу плыли белые лебеди с картинки конвертика, присланного из сизо. птички были подписаны: под одним из них стояла буква G, под другим — первая буква из имени рупрехта. за эту трогательную пометочку габи получила от рыцаря много тысяч рублей на тюремный счёт и несколько блоков «галуаз».

через пару недель она позвонила и мне. уже из тюрьмы. откуда взяла телефон? начала верещать от радости, орать «ох, как тут круто!»; рассказывать, как её заставляют заправлять за собой постель и какие тут сильные женщины, что у неё в сизо была охерительная тёлка (сидела за кокаин) и что теперь поэтому габи на личную карточку полоску поставили.

— какую ещё полоску?

— эх ты, — презрительно, с укоризной замечает габриэлла. — а ещё журналист! не знаешь, не интересуешься...

оказалось, с полосой — это склонная к лесбиянству.

габи сказала, что сидит в N-ской колонии. у них, ЭэКа, почему-то считается, что там сидеть круто. якобы там вся торчковая элита и аквариумы в камерах.

обман раскрыла misk.

Она истошно заорала: «пи*дит!!! там мужская колония!!!» — и привезла мне буклет (!) N-ской зоны. буклет милейший. начинается словами: «есть в природе места, будто специально созданные для жизни человека».

она же, misk, придумала послать габриэлле священное писание. мол, этот тот максимум, который мы можем сделать для нашей общей бывшей. для нашей прекрасной карменситы латиноамериканского происхождения, лирической героини. и не будет никаких писем, никаких свиданий и никакого чая. а поручить все организационные вопросы решили барановой — самой преданной рабе Господа нашего. теперь она регулярно звонит мне и отчитывается о проделанной работе.

у нас с misk прижилось это выражение. теперь частенько говорим друг другу с габриэллевыской укоризной: «эх ты! не знаешь, не интересуешься!» и загибаемся от хохота.

Павел Зы-Кун. «Фрактал»

Проект серии альтернативной литературы
БОЛЕЕ ДРУГОЕ и издателя Вараксина

ISBN 978-5-91453-019-5

Нельзя описывать этот художественный труд обычным человеческим языком. Только манера внезапно возникшего из ниоткуда эпатажного и дерзкого Зы описать Это. Итак: «Под покрывалом «Фракталя» укрылось скопище самоподобных рассказов, в которых возлюбленный читатель обрящет свои отражения, подобно медведям, взшедшим на горы и созерцающим самоподобное множество медведей на горах, наблюдающих друг других, но, по сути, единственно возможное — самое себя.

Экзотерическое, научно-популярное, приключенческое, философско-религиозное и романтическое издание, снабжённое иллюстрациями для пущей достоверности происходящего на бумаге. Для широкого круга читателей. Возможно выпадение волос при злоупотреблении. Соблюдайте дозировку, указанную в перечне рекомендованных для чтения книг Минздравами РБ, РУ и РФ».

Павел Зы-Кун: биография

Явился на свет гожий 1983-ей осенью. С трёх лет работал на фабрике мороженого, с пяти — в лаборатории гуманитарных технологий, с восьми — в конструкторском бюро космической авиации, с двенадцати — докером в Сингапуре, с пятнадцати сутенёром в Алжире, в семнадцать вернулся в Беларусь и сдал экстерном экзамены за курс средней школы, среди которых мне особенно полюбился предмет «русский язык», отчего, воспользовавшись им, решил перенести на бумагу пережитый опыт трудового детства. Эта книга не имела успех, но была переведена на восемь языков мира, включая другой мой родной — ирландский.

Вторая публикация относится к 2002 году: повесть «Головокружительная неясность» в литературном альманахе «Windows seXPistols», который до сих пор никто не читает, однако все произведения были экранизированы почему-то (и сугубо) чешскими мультипликаторами.

После этого я набирался ума-за-разума на факультете «Кира-и-драматургии». За годы учёбы был участником Сопrotивления славянскому стремлению к растворению по-

средством спиртосодержащих акселераторов, хотя не дурак пригубить без усугубления крепленые, крепкие и калёные напитки. В 2007 году горсть рассказов истёкшей пятилетки по итогам гонок угодила в литературоугодный сборник Facultet. По окончании УО «БГУКиИ» отбыл 2 года по распределению в учреждениях не столь отдалённых от культуры, оклада хватало на субкультурные сигареты без фильтра и контркультурный кофеин бензоат натрия. В 2009 году уехал на заработки в Бангладеш по договору «О контрабанде и работоторговле», но был обманут, и пришлось заниматься миссионерской деятельностью. В 2010 году прорвался в сборник Facultet «Прорыв2010» с произведением «Апельсвин», написанным в стиле дзуйхицу-одеколон. Сейчас живу и работаю в Москве в гостинице «Националь Меншевикъ» и бесчеловечно трачу деньги от публикаций на благотворительность. Мраморная доска у входа в гостиницу гласит: «Здесь живёт и работает Павел Зыкун, который бесчеловечно тратит деньги от публикаций на благотворительность, и у него есть футболка с надписью: «ЗЫ».

ABOUT «ФРАКТАЛ»

Роза Неврозова

Если бы я была каким-нибудь дискурсивным задротом, я сказала бы: «Да, абсурд. Эстетика эпатажа», что-то ещё... А дальше следовали бы реминисценции ко всяким клишированным форматам. Получился бы никому не нужный бездарный литературоведческий релиз.

Буду лаконична: книга «Фрактал» — ЭТО ПОЛНЫЙ АХТУНГ!

Автор многих своих коллег оставил «с носом» — ШНОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ЕМУ, не меньше! О таких текстах длинно и умно рассуждают только зануды. (НЕ)нормальные люди (если им хватает ума признать себя в этом самим себе) — просто завидуют. Завидовать есть чему: внутренней свободе, безбашенности, отвязности, дискурсивной мозаичности. Таланту, наконец! Автор играет в конструктор из слов, снов, состояний сознания, моделирует свою собственную (сюр)реальность. Получается. Еще как получается! Здесь действительно непонятно кто-кого пишет: автор тексты или тексты автора. Есть тексты «к чаю». Есть «к пивку». Есть «под водочку». Часть текстов я бы порекомендовала не читать, а «курить». Однако, как предупреждает сам автор, от злоупотребления текстами подобного рода могут выпасть остатки волос. Поэтому — дозировано. Порционно. Гомеопатически. Лучше натошак. Тем более, не злоупотребляйте, если Вы, как и я, собираетесь продолжать жить после 36.

БОЛЕЕ ДРУГОЕ ищет именно ВАС!

Вы решили издать книгу? Поздравляем вас! Это отличное решение. Для того, чтобы ваша книга увидела свет, ее нужно сначала написать. Наш коллектив авторов готов придумать и разработать креативный сюжет. Опытные копирайтеры создадут восхитительный текст. Вы можете выбрать стиль: Лев Толстой, Джеймс Джойс (только по предоплате), Венедикт Ерофеев (потребуется дополнительные затраты: 1 л. Hennessy на 5 страниц). Возможно, в ближайшее время к заказу станет доступен Омар Хайям (сейчас он занят луноликами).

Написанную книгу необходимо сверстать. Наши опытные верстальщики умеют равномерно располагать текст даже на торе. Если вы решите вывернуть тор наизнанку через микродырочку — кеглю будет все равно.

Пока вы оплачиваете разработку сюжета, наша собственная лесопилка точит зубья и выбирает отборные кедры в лучшем лесу на Аляске, а опытные гангстеры воруют ДСП из лучших домов Парижа, стремясь обеспечить вас экологичной бумагой из вторсырья... Бумага премиум-класса не позволит читателям использовать ваше произведение не по назначению.

Если Вы хотите,
чтобы Авторы
и Редакция всё-таки
покушали и выпили
после издания очеред-
ного номера, то будем
счастливы получить
от Вас любые средства
на кошелёк ВебМани
R258117962770

Та газета

ТА ГАЗЕТА приглашает альтернативных гениев для печати их графомании на безгонорарной основе.

Серия БОЛЕЕ ДРУГОЕ приглашает авторов альтернативной прозы, поэзии и драматургии издать свои книги на платной и бюджетной основе.

Издательство Алексея Вараксина приглашает авторов для издания прозы, поэзии и драматургии.

По всем вопросам обращаться к главному редактору издательства Дите Карелиной (ditakarelina@mail.ru или Вконтакте [ditakarelina](#), а также по телефону +375 29 166 95 33)

ТА газета ждёт Вас в следующих точках планеты Земля:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (Россия)

Джага Хостел

Владимирский проспект, 15
вход с проспекта, код 15В
Телефон: +7 (812) 986-73-80
Телефон: +7 (921) 302-77-77
E-mail: info@skyhostel.ru

Магазин Кастл-Рок

Лиговский проспект, 47
Телефон: + 7 (812) 322-65-68
www.castlerock.ru

ГЭЗ-21 АРТ-ЦЕНТР «ПУШКИНСКАЯ 10»

Лиговский проспект, 53
Музейный флигель,
3-й этаж
www.tac.spb.ru

Клуб ШУМ

5-я Советская ул., 45
Телефон: +7 (812) 946-89-69
www.shoomclub.ru

Квартирники у Гороховского

ул. Бабушкина
Телефон: +7 (921) 744-36-87
www.kvartirniki.spb.ru
www.квартирники.рф

Арт-Кафе КИПЯТОК

Хорошее настроение со вкусом!
www.kipyu.ru
www.vkontakte.ru/club11632023

Бар «Summer»

наб. канала Грибоедова, 49
(пересечение с Гороховой ул.)
Телефон: +7 (812) 312-92-88
Телефон: +7 (904) 330-31-55
www.BarSummer.ru

Бар «Дружба»

Лиговский проспект, 39
(вход в арке)
тел: +7 (812) 719-95-17
www.100svoih.ru

С этого номера и в Москве!
Спрашивайте у друзей!

* личное спасибо Артёму Комиссарову за помощь в нашем расползании по Питеру))

МИНСК (Беларусь)

Галерэя сучаснага мастацтва «Ў»

пр-т Незалежнасці 37а
+375 (17) 286-31-68
www.ygallery.by

А также у Диты Карелиной
непосредственно в Минске
в издательстве БОЛЕЕ ДРУГОЕ

Та
газета

Специальный проект
серии альтернативной
литературы
БОЛЕЕ ДРУГОЕ
и издателя
Алексея Вараксина

Главный редактор — Дита Карелина
Дизайн и верстка — Данила Серов
Корректор — Юлия Геба
E-mail редакции: ditakarelina@mail.ru

№2 (2), июль 2011 года.
Подписано в печать 30.06.2011

Объём: 16 стр.
Издание ООО «АРТ-менеджер», 111397,
Москва, Зелёный проспект, д. 27/1, офис 188
Телефон/Факс: +7 (495) 305-75-46
Отпечатано в типографии ООО «АРТ-менеджер»

Тираж — МНОГО экз.

БЕСПЛАТНО